

УДК 338.338.2

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
УСТРОЙСТВО РОССИИ:
МЕНТАЛЬНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ,
СПЕЦИФИКА И ПРИРОДНЫЕ
УСЛОВИЯ**

Новиков Андрей Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург,
e-mail: a-novikov08@mail.ru

**ECONOMIC SET-UP
OF RUSSIA: MENTAL
PREREQUISITES,
SPECIFIC FEATURES
AND ENVIRONMENT**

Novikov Andrey V.

Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg,
e-mail: a-novikov08@mail.ru

В статье рассматриваются процессы социально-экономического развития России с учётом особенностей природно-климатических, геополитических, географических, ментальных и ряда других институциональных факторов. Также рассматриваются способы реформирования социально-политической и экономической жизни, обозначается необходимость их соотнесения с институциональной структурой общества. Автор анализирует формальные и неформальные институты, обусловившие хозяйственный уклад российского общества, ставит вопрос о власти, о системе государственного управления в России, рассматривает ценностные ориентиры, сформировавшиеся под влиянием внешней среды. Формирование хозяйственного уклада России происходило в определённых рамках, имело ряд характерных особенностей, которые, с одной

Processes of social and economic development of Russia taking into account climatic, geopolitical, geographical, mental features and some other institutional factors are considered in this article. Also ways of reforming of socio-political and economic life are considered; need of their correlation with institutional structure of society is designated. The author analyzes the formal and informal institutes which caused economic way of the Russian society, raises a question of the power, of system of public administration in Russia, considers the value reference points created under the influence of environment. Formation of economic organization of Russia happened in a certain framework, had a number of characteristics which on the one hand complicated conducting of economic activity in this territory, however, on the other hand laid the foundation for formation of the huge state possessing considerable stocks of natural resources. The relation to the state pow-

стороны, усложняли ведение экономической деятельности на данной территории, однако, с другой – заложили основу для становления огромного и обладающего значительными запасами природных ресурсов, государства. Отношение к государственной власти при этом было неоднозначным. Формальные институциональные нормы, неизбежно распространяющиеся там, где существуют правовые властные институты, воспринимались в народе если не враждебно, то по крайней мере с непониманием. Зато наличие самого государства как высшей силы, имеющей неограниченные полномочия, воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Объяснялось это необходимостью искать помощь и защиту в случае неурожая, природных бедствий или внешней агрессии. Обеспечить такую помощь и защиту могла только сильная централизованная власть. С этим связана и сакрализация личности главы государства (вне зависимости от того, царь это, генсек или президент).

Ключевые слова: неформальные социально-экономические институты, модели экономического развития, ментальность, экономический менталитет, национальная система хозяйствования, специфика хозяйственного уклада, централизация государственного управления, географические и природно-климатические факторы, цивилизационные особенности, механизм политического принуждения, экономические реформы.

Экономическая жизнь общества, её уклад и характер организации определяется рядом формальных и неформальных факторов, которые действовали в прошлом и продолжают действовать в настоящем, оказывая влияние на историю и психологию народа и формируя систему хозяйствования, присущую данному народу в данную эпоху.

Данные факторы необходимо принимать во внимание для построения наиболее близкой к реальности национальной модели экономики. Внедрение в практику экономической модели, не учитывающей изначально заданные и заложенные в природу данного народа нормы и правила, законы и традиции, по которой пытаются направить его развитие, обречено на неудачу.

er thus was ambiguous. Formal institutional norms which inevitably extend where exist legal institutes of power, were perceived by the people if is not hostile, then, at least, with misunderstanding. But existence of the state as the highest force having unlimited powers, was perceived as something self-evident. It was explained by need to look for the help and protection in case of a crop failure, natural disasters or external aggression. To secure such help and protection the strong centralized power could only. The sacralization of the identity of the head of state also is connected with it (regardless of that, the tsar it, the secretary general or the president). To secure such help and protection the strong centralized power could only. The sacralization of the identity of the head of state also is connected with this situation (regardless of that, the tsar it, the secretary general or the president).

Keywords: informal social and economic institutes, models of economic development, mentality, economic mentality, national system of managing, specific features of economic structure, centralization of public administration, geographical and climatic factors, civilization features, mechanism of political coercion compulsion, economic reforms.

К факторам, практически неизменяемым на протяжении исторического времени, относятся независящие от желаний народа, данные ему Богом и природой ландшафтно-климатические и геополитические условия проживания на Земле, которые «определяют существенные черты обстановки человеческой деятельности», представляющей собой «основное содержание исторического процесса» [1, с. 76].

Уникальные комбинации местных условий задают основы самоорганизации и функционирования отдельных человеческих общностей, своеобразия их культурного, политического и хозяйственного развития.

Специфика и уникальность России в том, что громадное государство, «невзирая на архаические формы», всегда представляло собой особый мир-экономику – «часть Вселенной, экономически самодостаточный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное экономическое единство», внутри которого сформировался определенный стереотип экономического поведения, обусловленный особенностями пространства и течения исторического времени.

«Дух земли, *genius loci*», по мысли В. Шубарта [2, с. 95], пересекается с духом эпохи, соучаствует в формировании «души народа», определяет его психологические установки, эмоциональные реакции, нормы и идеалы культуры, совокупность которых теперь мы называем национальным менталитетом.

Менталитет может быть представлен как совокупность мыслей, верований, навыков, которая создаёт картину мира и скрепляет единство культурной традиции какого-либо сообщества [3, с. 31]. Это сложная многоуровневая и многомерная система образов и представлений, специфический тип мышления, то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов, раскрывает представление человека о жизненном мире и обнаруживается в видах жизнедеятельности личности, социумов и определяется этноестественно-историческими процессами [4, с. 44].

Именно особенности формируемого «духом земли, духом ландшафта» российского экономического менталитета как части национального менталитета совместно с другими постоянными и переменными факторами определили генеральные направления становления хозяйственного строя и тип модели национального экономического поведения, выраженные в особенностях национальных социально-экономических институтов власти, собственности, общины и религии [5, с. 128].

«Два авторитета, авторитет религии – церковь и авторитет экономический – собственность с самого начала исторической жизни человечества составляют существенные элементы всякой государственности... Эти два авторитета тесно слиты с авторитетом власти...» [6, с. 11].

Под определенным влиянием природно-климатического и геополитического факторов развивалась государственная система России, тип которой в значительной степени определил особенности экономического развития государства и хозяйственный уклад россиян.

Найденный русским человеком способ выживания в сложных природно-климатических, географических и геополитических условиях получил отражение в «державной идеологии – теоретическом обосновании необходимости могучего государства, обеспечивающего защиту от внешней угрозы, постоянное приращение эффективных территорий, а также централизованное распределение ограниченных средств существования в интересах выживания России как целого» [7, с. 129].

Огромность пространства России, маленькая плотность населения, отрезанность ряда территорий из-за дальностей расстояний и плохих средств сообщения, множественность национальных культур, отсутствие естественных границ, а кроме того, сознание единственности политически независимой страны с православной верой (мессианство: «мы потому одиноки (но могущественны), что несём свет вечной истины») – вот причины сложившейся необходимости централизации государственного управления и «гипертрофированных надежд» россиян на верховную власть [8, с. 363].

Весь ход истории России вёл страну к созданию той формы власти, которая на русском языке называется самодержавием и для которой адекватного иностранного термина нет.

Тип русского государственного устройства – самодержавная монархия – подвергался критике и в прошлом, и в настоящее время как система, базирующаяся на деспотическом образе правления, ведшая завоевательные войны, создавшая русскую нищету. По этому поводу В.О. Ключевский констатировал: «Государство пухло, а народ хирел». Ответ на этот приговор дает И. Солоневич: «Обвинения были бы правильны, если бы были направлены... по адресу географии» [9, с. 56]. Действительно, под главенством монархии русский народ не разбогател. Но Ключевский, не говоря уже о других историках, публицистах, философах и писателях, не догадался поставить вопрос несколько иначе: какие шансы были у русского народа выжить? И в какую географию поставила его судьба? И далее: «Нация, находящаяся в состоянии военной опасности, не может позволить себе роскоши парламентской

волокиты». Защищая необходимость единой державной формы власти в России, Солоневич с долей иронии предлагает рассмотреть действие парламентской машины в российских условиях: «К великому князю Владимиру Красное Солнышко скажут гонцы: “Княже, половцы в Лубнах”. Великий князь созывает конгресс и сенат. Конгресс и сенат рассматривают кредиты. Частная инициатива скупает мечи и отправляет их половцам. В конгрессе и сенате республиканцы и демократы сводят старые счёты и выскивают половецкую пятую колонну. Потом назначается согласительная комиссия, которая ничего согласовать не успеваает, ибо половцы успевают посадить её всю на кол. Пример примитивен, но точен» [10, с. 66, 78].

На всем протяжении истории России основной задачей была борьба за объединение русских земель, за выживание страны перед лицом нашествия иноземцев. «Неопределённая общность, бесформенная, малоструктурированная, лишённая внутреннего строя, объединялась в критические моменты своего существования вокруг идеи сильной, не ограниченной формальными установлениями монархии» [11, с. 347].

Суть этого процесса в том, что государство выступало как основная и необходимая сила для защиты от вражеских вторжений, как начало формы, порядка, дисциплины. И тогда свобода, понимаемая в сочетании с единством «многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям», образует то новое целостное качество, которое характеризует российский менталитет, – соборность [12, с. 112].

При наличии самой длинной пограничной линии и низкой плотности населения обеспечить защиту территории и народа и сохранить не только национальную независимость, но и личное бытие каждого человека могла только многочисленная хорошо вооруженная армия. Армию надо вооружать, одевать, кормить. Для этого нужен аппарат, который реализовывал бы воинскую повинность в любом её варианте и собирал бы налоги – тоже в любом варианте. Для всего этого необходима сильная централизованная власть, в функции которой входили не только военная защита государства, но и организация общественных работ, таких как строительство пограничных крепостей, оборонительных засечных валов (до XVIII в.) или каналов, дорог, городов (в петровское и послепетровское время), а также обеспечение рабочей силой заводов, фабрик, верфей. Причем рабочие руки для этих целей надо было насильственно вырывать из сельского хозяйства. В результате сильная административная власть распространилась на политическую и экономическую сферы, ограничив в очень большой степени

политическую и экономическую свободу всех слоёв общества. «Государство – орган экономический, главный босс и предприниматель среди этого бесконечного простора...» [13, с. 26–27].

В России государство стояло «как утес среди моря» (по выражению Ф. Броделя). Всё замыкалось на его всемогуществе, на его усиленной позиции, на его самовластии по отношению как к городам («воздух которых не делал свободным» в отличие от Запада), так и к православной церкви, или к массе крестьян (которые принадлежали прежде царю, а потом уже барину), или к самим боярам [14, с. 468].

Главным действующим лицом в России стало государство, от нужд и задач которого зависело всё и вся. Приоритетом государства было обеспечивать собственную безопасность перед лицом внешних посягательств на территориальную и цивилизационную целостность страны. А таких посягательств история России знает достаточно. «Начиная с XII в. состояние мира для русских было скорее исключением, а война – жестокой необходимостью. За 234 года (1228–1462) – за период формирования своей государственности россияне вынесли 160 войн, в XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII – 56 лет. С XIV по XX в. историки насчитывают 329 лет войны. Россия воевала две трети своего исторического бытия» [15, с. 73]. России пришлось силой решать и татарское иго, и 700-летние польские интервенции, и стосорокалетнюю блокаду России со стороны Польши, Швеции и Ливонского ордена (1551–1703) – блокаду сознательную и планомерную, сознательно и планомерно отрезавшую Россию от всякого соприкосновения с Западом.

Пришлось силой ликвидировать блокаду России на берегах Чёрного моря, длившуюся триста сорок лет (1475–1812) и дополненную работорговыми налётами крымских татар на Русскую землю; останавливать еще с VIII в. начавшиеся германские попытки осуществить *Drang nach Osten*, основание которым положил Карл Великий против славянских народов, когда ещё не сложилась российская государственность.

Поэтому неудивительно, что «преобладающим моментом была психология осаждённой крепости: кругом враги, природных преград никаких, крепость можно построить не из камня (ещё С. Соловьёв подчёркивал, что в отличие от Европы Россия – страна деревянная, а дерево – плохая защита, оно горит), а из тел жителей этой крепости. (Ф. Нестеров). Поэтому личность не ставилась ни во что, надо всем преобладали интересы государства...» [8, с. 363].

По мнению большинства русских историков, тип российского государства сложился на рубеже XV–XVI вв. под влиянием комплекса внутренних и внешних причин. Тогда поддержка со стороны народа московского князя обусловила политическое возвышение, а затем политическую гегемонию Москвы в деле собирания русских земель. Собирание русских земель, развитие централизованной государственности, предельно ограничивало свободу личности, к какому бы сословию она ни относилась. Всеобщую государственную повинность называет отличительной чертой государственного строя России американский историк русского происхождения М. Раев, отмечая, что закабаление общества началось не снизу, а сверху. «Прежде всего, – пишет он, – в настоящих крепостных или слуг государя были превращены дворяне – бояре и московские служилые люди, удельные князья и их дружины; они не были вассалами, сохраняющими определенные права, установленные обоюдным соглашением... но слугами, холопами царя. Лишь поработив верхушку общества, царское правительство закабалило и крестьян» [16, с. 32]. Так, еще задолго до отмены «права выхода» (Юрьева дня) в 1592 г., прекратившего передвижения крестьянского населения и прикрепившего их к земле, Белозерская грамота (1488 г.) фактически поставила под запрет право перехода дворян от великого князя всея Руси к кому-либо из оставшихся удельных князей, не говоря уже о выходе за пределы русских земель. Грамота зафиксировала потомственный, служебный статус дворянства [17, с. 5]. Это не означает, что российский народ не был способен ценить свободу. Позднеантичный автор Маврикий Стратег определяющей чертой славян, которые являются ядром российского суперэтноса, считал любовь к свободе. «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране» [18, с. 28].

Однако желание сохранить себя как самостоятельное объединение на собственной территории научило россиян жертвовать своими личными правами во имя существования Российского государства. Феодализм вообще не стал близок российскому мировосприятию. Именно поэтому в истории России можно найти ряд примеров возникновения, но не использования возможности сепаратизма. Так, Строгановы, имея обширные владения на северо-западном Урале, пользуясь такими привилегиями, как чеканка собственной монеты и организация своего войска, не только не основывают Уральское царство, пользуясь ослаблением государства, а наоборот, «бьют челом» своими миллионами», т. е. оказывают финансовое содействие возрождению страны по окончании Смутного времени. Казачий атаман Ермак Тимофеевич не

садится вместо хана Кучума на престол Сибирского ханства, а кладет начало присоединению Западной Сибири к России. Крестьянский сын Ерофей Хабаров не создает Амурскую империю в Приморье, а радуется пожалованию в «дети боярские», подчиняя России местные племена.

Общество (а точнее, крестьянство как класс, несущий тягло) должно было производить прибавочный продукт, за счет которого жили государство и господствующий класс. Существенная ограниченность объема совокупного прибавочного продукта, изымаемого государством у крестьян в размерах намного больше того, что крестьянин мог отдавать без ущерба для себя, диктовала необходимость сурового механизма политического принуждения со стороны государственной власти и сравнительно ограниченную численность складывающегося господствующего класса. Только строгий контроль за местоположением и деятельностью населения мог гарантировать поступление рабочей силы, рекрутов и налогов.

Таким образом сами по себе размеры территории России, протяжённость её границ и историческая подверженность вражеским вторжениям требовали передачи значительной доли ресурсов задачам обороны, управления и поддержания внутреннего порядка посредством дорогостоящего бюрократического аппарата. Следствием этого явилось возникновение самодержавной формы государственного правления с режимом крепостничества, призванным бороться с развитием миграции крестьянского населения в более благоприятные для жизни приграничные области, которая, в свою очередь, обусловила процесс крестьянской колонизации, обеспечившей «растекание» российской территории на юг и восток.

Крестьянская колонизация, как пишет С.В. Лурье, практически во всех её формах может быть представлена как конфликт крестьянского мира, стремящегося уйти из-под пресса государственного контроля, с централизованным государством [19, с. 61]. Однако крестьянская община «сама была мини-государством со всеми функциями и даже некоторыми атрибутами государства. Россия в народном восприятии, вне зависимости от реального положения вещей, была федерацией таких “миров”, “миром” в более широком смысле. Крестьяне были связаны психологически именно с этой Россией-“миром”, а не с Российским государством. Но Россия как “мир” не знает границ – она везде, где поселятся русские. Поскольку русские живут в определённом месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в её “сакральные границы”. Этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии» [19, с. 63]. Эта же си-

ла русской экспансии, легкость проникновения и вживания в новые условия и уживчивость с хотя и немногочисленными, но многоконфессиональными, в том числе и языческими, соседями обеспечивались своеобразием российского менталитета, отличающегося такой чертой, как максимальная контактность и веротерпимость россиян. Эта черта поддерживалась и на государственном уровне, ибо «общий стиль, средняя линия, правило заключалось в том, что человек, включённый в общую государственность, получал все права государственности... В России свобод было меньше, но они были для всех» [10, с. 126].

И эту же черту русский мыслитель Д.А. Хомяков в работе «Православие. Самодержавие. Народность» описывает такими словами: «Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но всё человеческое находит в них созвучие и сочувствие... Русский смотрит на все народы, замежеванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих» [20, с. 159].

Традиция единой централизованной (монархической) власти с идеологией государственного служения в сознании народных масс была (и до сих пор еще сохраняется, хотя, судя по данным социологических опросов, и идет на убыль) преобладающей на протяжении веков – вплоть до начала XXI в., а идея служения во имя защиты государства и сакрализации государства пронизывала сознание всех социальных групп общества и объединяла их. В России вся нация в течение всего периода своего существования непрерывно строила и поддерживала единую верховную власть. До 1917 г. крестьянство своим трудом, духовенство – идеологией, купечество – деньгами, служилое дворянство – своей военной организацией – каждый по-своему, но непрерывно и упорно строили русскую власть. И даже революция не смогла изменить традицию, недаром «батюшка-царь» так созвучен с «отцом народов».

Крестьянин служил своим трудом, обеспечивая жизнеспособность служилого человека – дворянина, обязанного и всегда готового по первому призыву являться под знамена князя или царя. Это положение логически оправдывало привилегии дворян относительно крестьянства и необходимость прикрепления крестьян к земле. (В отличие от Европы земли было много, а народа для ее обработки – мало, поэтому награждения в виде дарений осуществлялись вплоть до отмены крепостного права в форме передачи в пользование деревень с работниками и землей, к которой они были прикреплены, а не просто земли, как это было заведено в феодальной Европе, когда сюзерен дарил васалу землю, а тот уже мог отдавать ее в аренду по высокой цене многочисленным претендентам). Служение Отечеству «под седлом или

под ярмом» объединяло всех. Сословия различались не правами, а повинностями. Все группы общества – царь, дворянство, духовенство, купечество, крестьянство – были естественно соединенными звеньями одной цепи. (Такое положение держалось до Петра III, объявившего в феврале 1762 г. «Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству», освободивший дворян не только от обязательной гражданской, но и военной службы). Ни один русский царь не мог сказать, подобно Людовику XIV, «государство – это я» и, подобно Людовику XV, «после нас – хоть потоп», и не мог понимать королевские prerogatives «весьма просто: *omnia impunem facere, hic est regnum esse* – “всё делать безнаказанно, вот что значит быть королём”» [10, с. 81].

Напротив, Петр I под Полтавой обращается к солдатам: «Итак, не думайте, что за Петра сражаетесь, но за Отечество, Петру врученное», а Николай II писал: «Я никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Бог мне вручил» [16, с. 325].

Сама возможность существования Российского государства определяла необходимость приоритета интересов государства над интересами личности. И эта необходимость научила россиянина жертвовать личными правами и интересами во имя сохранения государства.

Н. Дубровин приводит слова отца А.П. Ермолова о воспитании сына: «Твердил я ему... что когда требует государь и отечество службы, служить не щадя ничего, не ожидая награды, ибо наша обязанность только служить» [21, с. 170].

Очень точно определил отношение русских к государству Ф. Нестеров, который писал: «Вот... ключ к пресловутой русской загадке. Он кроется в особом отношении русского народа к своему государству, в безусловном служении ему... Русские “чувствуют себя частицей одной державы”. Для неё, если требовалось, они оставляли на произвол судьбы нажитое добро, поджигали свои дома, оставляли на гибель родных близких, отдавали ей столько крови, сколько нужно, чтобы выволить её из беды. Взамен платы не спрашивали – они не наёмники. Таким-то узлом и завязалась Россия» [22, с. 86]. И здесь опять выявляется одна из основополагающих черт национального менталитета – коллективизм, который проявляется в моменты глобальных опасностей, угрожающих жизни и независимости народа и государства. При этом основную мобилизационную роль играют общепризнанные авторитеты, в первую очередь государственная власть.

Славянофилы И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков определяли русский народ как «исключительное явление всемирной истории, поскольку <он> обладает чертами, отсутствующими у других

народов: сознательное предпочтение личным, индивидуальным интересам народных, государственных, общих; преобладание интуитивных способов понимания над всеми формами логического анализа» [23, с. 13]. По замечанию Г. Федотова, империю строили и держали «две стороны русского менталитета»: во-первых, верность и выносливость русских народных масс; во-вторых, военное мужество и государственное сознание дворянства [24, с. 98]. И верхи, и низы лили свою кровь за «веру, царя и Отечество» – лозунг, выражавший ядро русской национальной идеи, доступной любому русскому. Но для народа, мыслящего конкретно, понятие «Отечество» как достаточно отвлеченное, абстрактное и поэтому малопонятное заслонялось понятиями «вера» и «царь» (или отождествлялось с ними). Царь в народном сознании на протяжении веков воспринимался как связующее звено между Богом и Отечеством, как человек, стоящий выше всего, выше даже закона, а образ царя венчал сумму духовных ценностей русской цивилизации. «К выражению нравственного идеала способнее всего отдельная человеческая личность как существо нравственно разумное, – пояснил эту мысль Л. Тихомиров, – и эта личность должна быть поставлена в полную зависимость от всяких внешних явлений, способных нарушить равновесие служения с чисто идеальной точки зрения».

Царская власть в России, как справедливо отмечал И. Солоневич, была функцией политического сознания народа, и народ устанавливал эту власть, совершенно сознательно ликвидируя всякие попытки её ограничения [20, с. 159].

Для дворян с более развитым воображением и, следовательно, абстрактным умом понятие «Отечество» включало в себя, как более всеобъемлющее, понятия и «царь», и «вера».

В то же время государство со своей стороны должно было в понимании народа выполнять определенные ограниченные функции и выступать как необходимая властная структура только там и тогда, где и когда без этого невозможно было обойтись для выживания самого народа. В обычной повседневной жизни господствовала власть не закона, не государственная, а власть обычая, традиции. Русское сознание было ориентировано на жизнь «по совести», а не по формальным правилам. Внутренние нравственные принципы были выше формального закона, над поступками человека должна была довлеть «диктатура совести».

«Никогда русский человек не верил и не будет верить в возможность устройства жизни на юридических началах» [25, с. 201]. Это утверждение совершенно неприемлемо для западноевропейского скла-

да мышления, для которого *dura lex, sed lux*, т. е. «закон суров, но это закон».

Там, где нет доверия друг к другу, где все считают друг друга жуликами, – там закон необходим. «Тот, кто боится людей, любит законы», – вспоминает И. Солоневич слова француза Вовенара [10, с. 9].

Признание приоритетности моральных норм над государственными правовыми установлениями определило и своеобразие русского менталитета: «Русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона и закону отводит только то место, какое ему надлежит занимать: место правил уличного движения» [10, с. 81].

Таким образом, в российский менталитет вошли идея служения, доходящая до бескорыстного энтузиазма и фанатизма, патриотизм, соборность, способность признавать общее более важным, чем частное, стремление жить в сильном централизованном государстве, идеализация и даже фетишизация личности верховного правителя, приоритет морали над законом, а также мотив иждивенчества. И эти же факторы определили характер социально-экономических отношений и особенности взаимодействия между группами общества и между обществом и властью.

По мнению И.К. Пантина, ментальность – это «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах»; «проблему менталитета можно поставить как чисто идеологическую, а можно как социально-политическую, объясняющую ряд составляющих национально-государственного существования, скажем, России, и объясняемую ими» [13, с. 30]. И, надо добавить, как проблему социально-экономическую, объясняющую особенности хозяйственного развития любой человеческой общности, включая государство, а через хозяйственное развитие и исторический путь государства.

Совершенно очевидно, что благодаря качествам русского характера, духа, менталитета, которые на протяжении тысячи лет проявили себя с достаточной определённой, «несмотря на все ошибки, падения и катастрофы, идущие сквозь трагическую нашу историю, народ умел находить выход из, казалось бы, вовсе безвыходных положений, становиться на ноги после тяжелейших ошибок и поражений, правильно ставить свои цели и находить правильные пути их достижения... Если бы не эти свойства... мы были бы... не то улусом какой-нибудь монгольской орды, не то колониальным владением Польши,

восточноевропейским “комиссариатом” берлинского министерства восточных дел» [9, с. 51].

В результате реформ 90-х гг. XX столетия Россия утратила свое положение как политический и экономический центр, как центр мира-экономики, и ее экономическая система перестала быть самодостаточной, однако она все еще остается великой державой, империей в лучшем смысле этого слова, которая должна продолжать развиваться и укрепляться в экономическом, политическом и культурном планах. Чтобы оставаться самостоятельной и независимой, а тем более великой державой, Россия должна поставить и решать свои собственные задачи, принципиально отличные от задач, стоящих перед другими государствами. Россия – огромный массив, на котором жили и уживались десятки больших и малых народностей, тесно спаянных общностью судьбы, культуры, экономики, общностью российского менталитета, основными определяющими чертами которого всё ещё являются державность, патриотизм, коллективизм, духовность. Наша хозяйственная задача – удовлетворение духовных, культурных, экономических потребностей великой страны посредством наиболее оптимального освоения гигантского российского массива и защита этого завещанного нам предками богатства от любых посягательств как извне, так и изнутри. Эта задача не только количественно, но и качественно отличается от тех задач, которые стоят перед западными государствами. Естественно, что методы решения наших задач тоже должны быть иными. Поэтому «всякие попытки вместе с западноевропейской техникой одеться в западноевропейскую философию», а также в западную рыночную экономику и либерально-демократическую политику, «обречены на провал всем ходом российской истории... Все они... являются попытками уложить великое разнообразие и своеобразие русской жизни на прокрустово ложе чужих и чуждых нам теорий» [9, с. 153].

Проведение реформ в любой сфере жизнедеятельности общества путем насаждения чуждых институтов без учета своеобразия собственных исторически сложившихся норм, традиций, форм жизнедеятельности с ожиданием наискорейших результатов ведет к непредсказуемой ломке национальной культуры, национального менталитета. Их насильственное преобразование может привести к потере национальной самобытности, к преждевременной гибели этноса. «Народ, даже утративший свою государственность и свободу, всё же продолжает существовать, но утрата традиций означает исчезновение народа» [26, с. 34].

Таким образом, никакие политические и экономические заимствования извне, взятые без предварительного тщательного и продуманного

анализа, ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут, поэтому Россия должна иметь свои пути, выработать свои методы, идти к своим целям, обусловленным её институциональными характеристиками.

Литература

References

1. *Милов Л.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 76–87.
2. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 1997. 446 с.
3. *Паикус В.Ю.* Социально-культурная сфера как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Санкт-Петербурга) // *Региональная экономика: теория и практика.* 2012. № 10. С. 44–49.
4. *Душков Б.А.* Психология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002. 448 с.
5. *Новиков А.В.* Ментальные предпосылки хозяйственной деятельности в российском обществе // *Учёные записки РГГМУ.* 2014. № 33. С. 126–131.
6. *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. 419 с.
7. *Олейников Ю.В.* Природный фактор исторического бытия России // *Философия и общество.* 2001. № 3. С. 123–140.
8. *Кантор В.К.* Меняется ли российская ментальность? // *Психология менталитета и нооменталитета.* Екатеринбург, 2002. С. 363.
9. *Солоневич И.Л.* Белая империя. М., 1997. 368 с.
10. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Минск, 1998. 512 с.
11. *Пантин И.К.* Национальный менталитет и история России. Екатеринбург, 2002. 374 с.
12. *Хомяков Д.А.* Православие. Самодержавие. Народность. 1997. 208 с.
13. *Гачев Г.Д.* Российская ментальность (материалы круглого стола) // *Вопросы философии.* 1994. № 1.
14. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3 : *Время мира.* М., 1992. 680 с.
15. *Трофимов В.К.* Русский менталитет как смысловой фокус российской цивилизации // *Культура и цивилизация : матери-*

1. *Milov L.* Geographical and climatic factor and mentality of the Russian peasantry // *Social sciences and present.* 1995. № 1. P. 76–87.
2. *Shubart V.* Evropa and soul of the East. M., 1997. 446 p.
3. *Pashkus V. Yu.* The welfare sphere as a factor of increase of competitiveness of the region (on the example of St. Petersburg) // *Regional economy: theory and practice.* 2012. No 10. P. 44–49.
4. *Dushkov B.A.* Psychology of mentality and noomentaliteta. Yekaterinburg, 2002. 448 p.
5. *Novikov A.V.* Mental prerequisites of economic activity in the Russian society // *Scientific notes of RGGMU.* 2014. No 33. P. 126–131.
6. *Gradovsky A.D.* Collected works. SPb., 1899. T. 1. 419 p.
7. *Oleynikov Yu.V.* Natural factor of historical life of Russia // *Philosophy and society.* 2001. No 3. P. 123–140.
8. *Kantor V.K.* Is Russian mentality changing? // *Psikhologiya mentaliteta i neomentaliteta.* Yekaterinburg, 2002. P. 383.
9. *Solonevich I.L.* White empire. M., 1997. 368 p.
10. *Solonevich I.L.* National monarchy. Minsk, 1998. 512 p.
11. *Pantin I.K.* National mentality and history of Russia. Yekaterinburg, 2002. 374 p.
12. *Homjakov D.A.* Orthodoxy. Autocracy. Nationality. 1997. 208 p.
13. *Gachev G. D.* Russian mentality (materials of a round-table) // *Philosophy questions.* 1994. N 1.
14. *Brodel F.* Material civilization, economy and capitalism. XV–XVIII centuries. T. 3 : *World time.* M., 1992. 680 p.
15. *Trofimov V.K.* Russkiy mentalitet kak smyslovoy fokus rossiyskoy civilizacii // *Kul'tura i civilizaciya : materialy Vseros.*

алы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 17–18 апр. 2001 г. : в 2 ч. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. С. 10–14.

16. *Черкасов П., Чернышевский Д.* История императорской России. М., 1994. 448 с.

17. *Синельников Ю.А.* К проблеме ментальности верховной власти в России. (исторический аспект) // Менталитет россиянина: история проблемы : материалы 17-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000. С. 141–143.

18. Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национально-го характера. М., 1994.

19. *Лурье С.В.* Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5.

20. *Сазанова Е.А.* Русская цивилизация и её самобытность // Менталитет россиянина: история проблемы : материалы 17-й Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2000. С. 159–161.

21. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. М., 1877. 4113 с.

22. *Нестеров Ф.* Связь времен. Опыт исторической публицистики. М., 1987. 239 с.

23. *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий. М.; Саратов, 1998. 417 с.

24. *Федотов Г.* Революция идёт // Русские философы: Антология. Вып. 3. М., 1996. 1200 с.

25. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Мюнхен, 1923. 252 с.

26. *Панфилов О.М.* Парадокс традиции // Традиции и обновление. Диалог мировоззрений : материалы междунар. симп. 6–8 июля 1995 г. Ч. 1. Н. Новгород, 1995. С. 34–36.

nauch. konf., Ekaterinburg, 17–18 apr. 2001 g. : v 2 ch. Ekaterinburg, 2001. Ch. 2. S. 10–14.

16. *Cherkasov P., Chernyshevsky D.* History of imperial Russia. M., 1994. 448 s.

17. *Sinelnikov Yu.A.* To a problem of mentality of the Supreme power in Russia. (historical aspect) // Mentality of the Russian: problem history : materials of the 17th All-Russian correspondence scientific conference. SPb., 2000. P. 141–143.

18. Reflections about Russia and Russians. Strokes to history of the Russian national character. M., 1994.

19. *Lurye S.V.* Perception of the developed territory by the people // Social sciences and present. 1998. No 5.

20. *Sazanova E.A.* Russian civilization and its originality // Mentality of the Russian: problem history : materials of the 17th All-Russian correspondence scientific conference. SPb., 2000. P. 159–161.

21. *Dubrovin N.* History of war and dominions of Russians in the Caucasus. Vol. 2. SPb., 1877. 4113 p.

22. *Nesterov F.* Connection of times. Experience of historical publicistic writing. M., 1987.

23. *Kochetkov V.V.* Psychology of cross-cultural distinctions. M.; Saratov, 1998. 417 p.

24. *Fedotov G.* Revolution goes // Russian philosophers: Anthology. Vol. 3. M., 1996. 1200 p.

25. *Tikhomirov L.A.* Monarchical statehood. Munich, 1923. 252 p.

26. *Panfilov O.M.* Paradox of tradition // Traditions and updating. Dialogue of outlooks : materials of international simp. 6–8 July 1995. P. 1. N. Novgorod, 1995. P. 34–36.